

Л. Б. Четырова

Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов

Вплоть до настоящего времени словосочетание «этнические буддисты» применяется по отношению к носителям этой мировой религии в составе народов России и этносов Центральной Азии. Но что означает указанное словосочетание? Чтобы понять это, необходимо проанализировать ту роль, которую выполнял буддизм в калмыцком и монгольском обществе.

Прозелитический универсализм буддизма — индифферентность к расовой, этнической, языковой, половозрастной принадлежности верующих — позволил этой религии широко распространиться среди самых разных народов. Определенную роль в этом процессе сыграла толерантность буддизма, его приспособляемость к различным культурным условиям.

Настоящее сообщение посвящено социологической характеристике буддизма как ресурса конструирования этничности у калмыков и монголов — народов, исторически исповедующих эту религию на протяжении столетий. Мы рассмотрим исторический опыт калмыцкого этноса и современную ситуацию конструирования этничности в Калмыкии и Монголии.

Обращаясь к прошлому, мы апеллируем к материалам, хранящимся в архивных фондах Института восточных рукописей РАН — отчету выдающегося российского ученого А. М. Позднеева о поездке в 1911 г. к уральским, оренбургским и терским калмыкам.

Анализ современной ситуации осуществляется на основе материалов эмпирических исследований¹.

Буддизм как религиозная идеология выполнял различные функции в калмыцком обществе. Следует сказать, во-первых, о политической функции буддизма, сыгравшего в начале XVIII в. значительную роль в становлении Калмыцкого ханства. Известно, что первый калмыцкий хан Аюка получил свой титул и ханскую печать от Далай-ламы. Легитимация ханской власти обеспечивалась авторитетом духовного лица.

Во-вторых, вхождение ойрат в духовное пространство мировой религии раскрыло для них новые культурные горизонты. Создание ламой-просветителем

---

¹ Руководитель проекта «Дифференциация ценностных ориентаций молодежи: этносоциальный и гендерный аспекты Ю. В. Попков. Организаторы опроса: в Калмыкии — Л. Б. Четырова, Б. М. Муниянова, в Якутии — М. А. Абрамова, в Западной Монголии (аймак Ховд) — Цэдэв Х. В докладе используются данные опроса, проведенного в рамках проекта «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии». (Дашковский, Кушнерик, Цэдэв, 2009; Нямсурен, 2009.) Данные предоставлены Р. А. Кушнерик.

Зая Пандитой калмыцкой письменности *тодо бичиг* дало возможность не только переводить канонические тексты, но создать светскую литературу, вести переписку на родном языке.

В-третьих, начался процесс консолидации этнических групп торгутов, дербетов, которые вошли в состав государственного образования, обладая собственной письменностью и религией.

Таким образом, буддизм сыграл важную роль в формировании калмыцкого этноса и калмыцкой этнической идентичности.

Буддизм для калмыков приобрел статус *веры предков* и тем самым способствовал развитию темпоральных представлений о связи поколений. До сих пор временная самоидентификация калмыков происходит через обозначения себя как представителей того или иного рода. Многие калмыки и сегодня знают своих предков до седьмого колена. Необходимость такого знания объясняется тем, что до настоящего времени калмыки соблюдают правило экзогамии при заключении браков.

Исторический эпизод со ставропольскими (оренбургскими) христианизированными калмыками рельефно демонстрирует значимость буддизма как ресурса этничности. В 1737 г. была основана крепость Ставрополь-на-Волге (совр. Тольятти), где были поселены калмыки, принявшие православие. В 1844 г. они были переведены в Оренбург. В 1908 г. после издания Указа о свободе вероисповедания (1905) оренбургские калмыки, более 150 лет считавшиеся православными, направили прошение Наказному атаману Оренбургского казачьего войска о разрешении им вернуться в «веру предков». Обратимся к тексту этого документа:

«Предки наши до 1737 года исповедовали Далай-Ламайскую религию, а равно как и мы исповедуем в данное время. Хотя с 1737 года предки наши приняли православную веру, но при исполнении своих треб не исполняли... а таковая исполнялась между собою по обрядам Далай-Ламайской религии. Но местное наше православное духовенство хотя и посещало иногда священников и делало свои увещания, но наши предки и в данное время совета не принимали и продолжали по-прежнему оставаться верным религии Далай-Ламайской... желаем, чтобы и впредь православное духовенство не старалось вмешиваться в наши религиозные дела.

Вашему Высокопревосходительству известно, что законы Империи обеспечивают каждому подданному свободное исповедание своей религии»².

Для выяснения обстоятельств этого скандального события был послан монголист-буддолог А. М. Позднеев, занимавший в то время пост товарища министра просвещения. По результатам обследования ученый пришел к выводу, что христианизированные калмыки продолжали *секретно* практиковать буддизм.

---

² АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 60.

Он полагал, что причиной двоеверия явились слабая просветительская работа церкви среди калмыков, нехватка православной литературы на калмыцком языке. А преследования двоеверов лишь усугубили ситуацию — вызвали у калмыков недовольство русской властью и отчуждение от ее представителей — военнослужащих и казачества.

Так постепенно, если говорить в терминах социальной антропологии, выстраивались «этнические границы» (термин Ф. Барта) между русскими и калмыками. Еще со времен проживания в Ставрополе-на-Волге калмыки упорно старались сохранить свою этническую идентичность в статусном и поведенческом аспектах. Набор ценностей, позволявших христианизированным калмыкам реализовать этническую идентичность как статус, включал в себя четыре позиции:

- буддизм — «вера предков»;
- калмыцкий язык;
- обычаи и традиции;
- «не погубить кровь» — браки только внутри этнического сообщества.

Калмыки вынуждены были скрывать свою подлинную религиозную жизнь от русских. Закрепившиеся в народе скрытность и настороженность по отношению к иноэтническому окружению имели своим следствием самоизоляцию и формирование так называемой стигматизированной этнической идентичности.

Неудачный опыт аккультурации ставропольских (оренбургских) калмыков показывает, что избранная правительством Российской империи стратегия ассимиляции (русификации) оказалась принципиально ошибочной. Калмыки действовали в соответствии со стратегией сепаратизации, которая в итоге привела к их сегрегации и самоизоляции от русской среды.

Обратимся к рассмотрению современной ситуации. Важность сохранения этнической идентичности для молодых калмыков демонстрируют результаты опроса, проведенного среди студенческой молодежи, обобщенные в следующей таблице:

**Степень значимости для калмыков, русских и якутов
разных видов идентичности, %**

Виды идентичности	Калмыки в Калмыкии	Русские	Якуты в Якутии	Русские
1. Гражданская (гражданин России)	56	64	45	68
2. Республиканская	65	12	50	14
3. Этническая	62	46	40	36
4. Глобальная (гражданин мира)	37	37	29	38

Указанные данные свидетельствуют, что для русских, проживающих в Калмыкии, и русских, проживающих в Якутии, максимально предпочтительной является идентичность «гражданин России», в то время как таковой для калмыков выступает идентичность «гражданин республики», за которой непосредственно следует вторая по уровню значимости этническая идентичность.

Неожиданно высоким оказался показатель идентичности «гражданин мира» у обеих сравниваемых групп, что объясняется процессами информатизации и глобализации культуры.

Зададимся вопросами — какова же роль буддизма в современной культуре монгольских народов и каково отношение калмыцкой и монгольской молодежи к буддизму?

Прокомментируем картину, которая вырисовывается при сравнении ответов на вопрос о религиозности у разных национальных групп. Так, из проживающих в Калмыкии считают себя верующими 71,8% калмыков и 67,2% русских. Ситуация в Якутии (Саха) совершенно иная. Лишь 12,5% саха и 31,3% русских причисляют себя к верующим. Колеблются между верой и неверием 22,3% саха и 20,9 русских. Неверующими, но положительно относящимися к религии назвали себя 29,5% саха и 13,9% русских.

Распределение ответов красноречиво говорит о том, что в Калмыкии гораздо большее число молодых людей осознает свою религиозность, чем в Якутии. В конструировании религиозности важная роль принадлежит семейной традиции и религиозным организациям — церкви, хурулу, дадану. Ситуация с вероисповедной идентичностью саха объясняется тем, что в якутской культуре важную роль играет шаманизм, который не имеет такой организационной структуры, как РПЦ или буддийский дацан. А это в свою очередь ограничивает возможности шаманизма для конструирования религиозности.

В современной Калмыкии по данным на 2009 г. зарегистрированы 34 буддийских, 16 православных, 5 мусульманских, 13 протестантских, 3 католических организаций. Отметим, что с 2006 г. численность религиозных организаций сократилась: было зарегистрировано 78, а в настоящее время — 71.

Возрождение буддизма в Калмыкии стартовало в начале 1990-х гг. Калмыки, в отличие от бурят и монголов, оказались в наиболее сложном положении, так как разрушительной для калмыцкого языка и для буддизма стала декретированная Сталиным депортация калмыков в Сибирь. Следует в данной связи указать на то обстоятельство, что во времена гитлеровской оккупации была возобновлена деятельность буддийских хурулов, запрещенных в 1930-х гг. В период изгнания оккупантов часть буддийского духовенства, опасаясь преследований со стороны советских органов фильтрации, ушла на Запад в эмиграцию.

В ситуации 1990-х гг. роль буддизма как ресурса этничности возросла, так как большая часть калмыков, сохраняя вероисповедную идентичность, утратила родной язык. А язык, как известно, является одним из важных ресурсов этни-

ческой идентичности. В этой ситуации калмыцкий язык оказался символом этнической принадлежности, а религия (буддизм) выступает не только символическим маркером этничности, но и реальным фактором самоидентификации калмыков.

Опрос показал, что преобладающая часть молодых калмыков считает себя религиозными. На вопрос о вероисповедании (Моя вера — это...) были получены следующие ответы респондентов:

- буддизм (ламаизм) — 68,4% калмыков, 3,0% русских.
- православие — 0,0% калмыков, 19,04% русских;
- христианство — 0,0% калмыков, 44,8% русских;
- вера в единого Бога — 1,1% калмыков, 1,0% русских.

Но каков источник буддийской вероисповедной идентичности у респондентов, относящих себя к русскому этносу? В этой связи был задан вопрос о вероисповедании родителей. Матери 83,3% калмыков и 7,5% русских, как выяснилось, исповедовали буддизм (ламаизм), а отцы — у 73,6% калмыков и 4,5% русских.

Это дало основание полагать, что буддисты, отождествляющие себя как этнических русских, возможно, являются метисами, рожденными от смешанных браков.

Задавался и другой вопрос — какие религиозные практики позволяют молодежи считать себя верующей? Ответы на него распределились следующим образом:

- регулярное посещение храмов (хурула, церкви) — 25,6% калмыков, 14,0% русских;
- соблюдение предписаний религии — 4,1% калмыков, 3,0% русских;
- выполнение обрядов — 20,6% калмыков, 7,0% русских;
- чтение религиозной литературы — 3,8% калмыков, 8,8% русских.

Не проявляющими религиозной активности, но верующими заявили себя 29,4% калмыков и 38,6% русских.

На основании этих данных был сделан вывод: хотя молодые калмыки чаще посещают хурулы и исполняют религиозные обряды, чем русские, их вероисповедная идентичность скорее декларируется, нежели практически реализуется.

Сравним ситуацию в Калмыкии с данными по Монголии.

По данным исследовательницы-монголистки Л. Г. Скородумовой, эксперта в этой области, в 1921 г. в стране насчитывалось более 700 буддийских храмов и 120 тысяч лам. После 1932 г., когда буддийские святыни подверглись целенаправленному разрушению, и вплоть до 1990 г. буддизм в Монголии фактически пребывал на полулегальном положении. В настоящее время в стране функционируют пять религий: буддизм, католичество, православие, ислам, шаманизм и действуют 215 религиозных приходов, в том числе 163 буддийских дацана, 28 христианских храмов, 22 мечети.

Причина религиозного многообразия в монгольском обществе, которое прежде являлось монорелигиозным и моноэтническим, кроется в экономической и политической ситуации конца 1980-х — начала 1990-х гг. На волне либерально-демократических реформ в Монголии широко открылись двери не только иностранному капиталу, но и миссионерам различных вероисповеданий. Западные протестанты сочли Монголию своим новым миссионерским полем. Отметим, что протестантские организации имеют большой опыт миссионерской деятельности. Обучая новообращенных, формируя современные социокультурные навыки, открывая учебные заведения и создавая рабочие места, они приобретали привлекательность у населения страны.

Рост популярности протестантизма в Монголии объясняется также трудовой миграцией монголов в Южную Корею, где сильны позиции протестантизма. По неофициальным данным, собранным Е. Байковой, в Южной Корее проживают и трудятся 150 тысяч монголов, в США — от 10 до 30 тысяч.

Буддизм постепенно утрачивает свои позиции единственной религии в стране, что в 2000-х гг. начало вызывать обеспокоенность общественности. Визит Далай-ламы XIV в 2002 г. в Монголию стал поводом для дискуссии в прессе по вопросу религии. Общественность выражала недовольство двойственной позицией высших эшелонов власти, равно поддерживающих и буддизм как основу национальной культуры монголов, и западных миссионеров.

По результатам опроса, проведенного в рамках проекта «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии» (Дашковский, Кушнерик, Цэдэв, 2008)³, вырисовывается следующая картина: верующими заявили себя 68,3% от общего числа опрошенных, а неверующими 30,0%.

Если сравнить данные по Калмыкии и Монголии, то выясняется, что процентный показатель респондентов из числа калмыцкой студенческой молодежи, заявивших себя верующими, оказался выше, чем среди населения Монголии в целом.

Любопытным оказалось распределение по религиозной идентичности у монгольского населения, традиционно считавшегося монорелигиозным и моноэтническим:⁴

буддизм — 47,8%;

ислам — 9,9%;

анимизм («горы и воды моя стихия») — 9,3%;

шаманизм — 2,2%;

протестантизм — 2,2%;

православие — 1,0%;

католицизм — 0,6%.

³ В данном случае опрашивались не только студенты, но остальные социальные группы.

⁴ Среди опрошенных 12 % составляют немонголы — урянхайцы и казахи.

О степени и глубине религиозности респондентов косвенно свидетельствуют положительные ответы на вопрос о важности соблюдаемых религиозных обрядов — 42,9%, представленные в следующей таблице:

Распределение верующих буддистов по возрастным подгруппам

Возрастная подгруппа	16–21 год	22–35 лет	36–45 лет	46–60 лет и старше
Количество последователей буддизма в подгруппе	53,6%	74,2%	91,7%	70%

Согласно данным опроса в Калмыкии, 68,4% калмыцких студентов считают себя буддистами, в то время как согласно опросу в Монголии в соответствующей возрастной группе монголов данный показатель составляет 53,6%, то есть наблюдается снижение количества приверженцев буддизма именно в среде монгольской молодежи. Более всего последователей буддизма в группе, характеризующей первую половину возрастной зрелости (36–45 лет).

Резюмируем изложенное. Исторически буддизм способствовал формированию и консолидации калмыцкого этноса, выполняя роль маркера этничности. В настоящее время для молодых калмыков, утративших этнический язык, буддизм по-прежнему выступает маркером этничности. В отличие от Калмыкии население современной Монголии тяготеет к расширению репертуара религиозной идентичности. Буддизм как маркер этничности не столь важен для монголов в сравнении с калмыками, поскольку исторически монголы не испытали опасности утраты родного языка как важного маркера этничности и не сталкивались с ситуацией целенаправленной аккультурации, чреватой растворением в среде инорелигиозного и более крупного по численности этноса.